СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Тимур Радбиль Беньюминович

профессор русского языка и литературы

Самаркандского государственного университета

Юсупова Мохигул Зафар кизи

Студентка ***1 курса направления «Лингвистика (русский язык)»***

Самаркандского государственного университета

Аннотация. *В статье проводится сопоставительный анализ лексико-семантического поля терминов родства в русском и узбекском языках. Исследование направлено на выявление структурных и смысловых особенностей номинации родственных связей, отражающих социальную организацию и культурные ценности двух народов. Анализируются сходства и различия в системах терминологии кровного родства и свойства (родства по браку). Особое внимание уделяется этнолингвистическим аспектам, в частности, высокой степени дифференциации терминов в узбекском языке в зависимости от возраста, пола и линии родства, в сравнении с более обобщенными моделями в русском языке. Работа позволяет определить, как национальный менталитет и исторические традиции формируют языковую картину мира в сфере семейных отношений. Результаты исследования могут быть применены в лексикологии, этнолингвистике, теории перевода и при составлении двуязычных словарей.*

Ключевые слова. *Термины родства, лексико-семантическое поле, сопоставительный анализ, русский язык, узбекский язык, языковая картина мира, этнолингвистика, национально-культурная специфика.*

Annotation. *This article presents a comparative analysis of the lexico-semantic field of kinship terms in the Russian and Uzbek languages. The study aims to identify structural and semantic features in the nomination of kinship ties, reflecting the social organization and cultural values of the two nations. The*

similarities and differences in the systems of consanguinity (blood kinship) and affinity (kinship by marriage) are analyzed. Particular attention is paid to ethnolinguistic aspects, specifically the high degree of differentiation of terms in the Uzbek language based on age, gender, and lineage, compared to more generalized models in the Russian language. The paper determines how national mentality and historical traditions shape the linguistic worldview in the sphere of family relations. The findings can be applied in lexicology, ethnolinguistics, translation theory, and the compilation of bilingual dictionaries

Keywords: *kinship terms, lexico-semantic field, comparative analysis, Russian language, Uzbek language, linguistic worldview, ethnolinguistics, consanguinity, affinity, national-cultural specificity, mentality, terminology.*

Объектом текущего изыскания выступает системная организация лексико-семантического поля терминов родства в русском и узбекском языках, рассматриваемая в сопоставительном аспекте через призму лингвокультурологических и этнолингвистических факторов.

Работа посвящена сопоставительному изучению лексико-семантического поля (ЛСП) родства в русском и узбекском языках в лингвокультурологическом и этнолингвистическом аспекте. М. И. Исаев справедливо указывает: «Этнолингвистический анализ терминологии родства вскрывает механизмы социальной стратификации, которые в тюркских языках фиксируются с хирургической точностью»[1,с. 64]. Проблема эквивалентности в условиях глобального смешения культур обретает статус критической, ведь за видимым сходством часто скрываются глубокие лакуны. Профессор Ш. Рахматуллаев аргументированно доказывает, что узбекская лексема с семантикой родства — это не просто ярлык для обозначения биологической связи, а маркер иерархии: «В узбекском языке

лексика семейных уз подчинена принципу возрастной субординации, что фундаментально отличает её от более симметричной славянской модели»[1].

Действительно, семантическая плотность узбекской терминологии поражает. Там, где русский язык обходится универсальным словом «дядя», зафиксированным в словаре Ожегова как «брат отца или матери»[2], узбекская речь требует безальтернативного выбора между *amaki* и *tog‘a*. В первом томе «O‘zbek tilining izohli lug‘ati»[3] *amaki* дефинируется строго как «otasining akasi yoki ukasi» (брат отца), что исключает любую двусмысленность.

Разложение смыслов на элементарные составляющие (семы) обнажает ещё одну черту. Академик Н. Ю. Шведова в своих изысканиях подчеркивала: «Для русского сознания в ядерных терминах «брат» и «сестра» биологический пол важнее хронологического порядка рождения»[4]. Узбекская система, напротив, В узбекской системе родства семантический компонент ʻвремя рождения’ непосредственно присутствует в лексическом значении слова. Лексемы *aka, uka, opa, singil* автономны. Они не нуждаются в прилагательных «старший» или «младший», поскольку сема возраста здесь является доминантной и смыслообразующей.

Особого внимания требует семантическая область «свойства», возникшего из брачных союзов. Академик Ю. Д. Апресян отмечает, что «несовпадение семантических сеток разных языков — это проекция различий в жизненном укладе народов»[5]. Обилие специфических номинаций в узбекском быту (например, *qaynni, ovsin, qayniota*) прямо коррелирует с

1 Рахматуллаев Ш. Современный узбекский литературный язык. Ташкент: Университет, 2006. С. 142

2 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006. С. 182

3 Ташкент, 2006. С. 68

4 Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 245

5 Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 455

традиционным укладом большой семьи, где каждый новый член должен занять строго отведенную ячейку.

Теоретический фундамент исследования лексико-семантических полей (ЛСП) требует обращения к классическому наследию, где категориальный аппарат лингвистики переплетается с психологией мышления. Классик русской психологии Л. С. Выготский в своих трудах видит в слове не статичную единицу, а динамический узел когнитивных процессов. Он убедительно доказывает, что значение слова эволюционирует вместе с развитием обобщающей функции сознания[6]. Этот тезис важен при сопоставлении русского и узбекского языков, поскольку границы понятий «брат» или «дядя» в сознании носителей определяются не биологией, а спецификой социального мышления.

Академик В. В. Виноградов в своих классических трудах по русской лексикологии акцентирует внимание на «фразеологической связанности» и контекстуальной зависимости смыслов[7]. Его концепция лексического значения как системы пересекающихся полей позволяет рассматривать термины родства в русском языке через призму их лексической сочетаемости и стилистических напластований.

В тюркской лингвистической научной традиции акцент в изучении терминов родства делается на наличие жестких иерархических связей в системе родства. Так, Ш. Рахматуллаев, развивая идеи системного описания лексики, указывает на жесткую структурную детерминированность узбекских родственных номинаций. Он постулирует, что лексическое поле родства в узбекской среде функционирует как строгая математическая модель, где каждая единица занимает свое место в зависимости от вектора

6 Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. С. 156)

7 Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 124

старшинства[8]. Созвучен этим мыслям и Х. Неъматов, который через системно-структурный анализ обосновывает неразрывность языка и социальной микросреды. В его работах лексико-семантическое поле родства предстает как живой организм, где изменение одного элемента неминуемо влечет трансформацию всей цепочки[9].

Таким образом, эмпирический анализ лексического материала фиксирует значительную асимметрию в структуре родственных связей двух языков. Узбекская терминология родства функционирует как вертикально ориентированная система, где возрастная дистанция и степень кровного родства выступают первичными смыслоразличительными признаками. В противоположность этому, русская система родства тяготеет к горизонтальному типу номинации, отдавая приоритет когда предпочтение отдается констатации типа биологической связи перед иерархически значимым статусом члена семьи

Ярким подтверждением этого разрыва служит избыточная дробность узбекского языка при обозначении мужских родственников в боковом колене первого поколения. Русская лексема «дядя», определяемая как «брат отца или матери»[10], в узбекском языке представлена двумя автономными единицами: *amaki* (брат отца) и *tog‘a* (брат матери)[11]. Указанное различие свидетельствует о том, что для узбекского лингвокультурного сознания принципиально важно маркировать линию родства (патрилатеральную или матрилатеральную), тогда как в русской языковой картине мира этот признак нейтрализуется.

---

8 Рахматуллаев Ш. Современный узбекский литературный язык. Ташкент: Университет, 2006. С. 138

9 Неъматов Х. Сўзнинг лексик-семантик майдони ва унинг тадқиқ этилиш тамойиллари // Ўзбек тили ва адабиёти. 1988. № 5. Б. 22

10 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд. — М.: ИТИ Технологии, 2006. — С. 59, 182, 712.

11 O‘zbek tilining izohli lug‘ati. 5 jildli. 1-jild. — Toshkent: O‘zME, 2006. — B. 68, 194.

В зоне родства по браку (свойства) узбекский язык демонстрирует ещё более дробную сегментацию. Термины для обозначения родственников супруга варьируются не только по полу, но и по возрасту относительно самого супруга, что формирует сложную систему обращений: *qaynaga, qayninni, qayniota*[12]. В современном русском языке подобные лексемы, хотя и сохраняются в словарях, в живой речи часто подвергаются десемантизации или замещаются описательными конструкциями. Таким образом, данные сопоставительного анализа подтверждают: узбекская система родства максимально детализирует социальные роли, в то время как русская стремится к экономии языковых средств через обобщение.

Сопоставительный анализ лексико-семантического поля терминов родства в русском и узбекском языках позволяет выявить глубокие структурные и культурные различия в языковой репрезентации семейных отношений. В современной лингвистике термины родства рассматриваются как одна из наиболее устойчивых и древних лексических групп, отражающая специфику социальной организации этноса. Исследование базируется на сравнительно-типологическом методе, который, согласно определению М. И. Исаева, позволяет «выявить общие и специфические закономерности развития языковых систем, обусловленные как внутриструктурными факторами, так и экстралингвистическими условиями существования народов» [2, С. 59]. При анализе узбекской системы родства ключевым фактором выступает строгое разграничение терминов по линии преемственности и возрастной иерархии. Как отмечает Ш. Рахматуллаев, «узбекская лексика родства отличается высокой степенью детализации в зависимости от пола, возраста и принадлежности к отцовской или

12 Рахматуллаев Ш. Современный узбекский литературный язык. — Ташкент: Университет, 2006. — С. 138-145.

материнской линии»[13]. Это находит подтверждение в лексических единицах: например, если в русском языке термин «дядя» является обобщающим, то в узбекском он дифференцируется на *amaki* (брат отца) и *tog'a* (брат матери), что зафиксировано в «Толковом словаре узбекского языка» под ред. А. Мадвалиева.

Академик Н. Ю. Шведова подчеркивает, что семантическая структура слова определяется совокупностью таких признаков, как пол, поколение и степень близости[14]. В русском языке система родства тяготеет к линейному типу, где основные термины (*брат, сестра*) нейтральны по отношению к относительному возрасту субъектов. В отличие от этого, в узбекском языке сема «старшинство» является обязательным компонентом ядерных лексем: *aka* (старший брат), *uka* (младший брат), *opa* (старшая сестра), *singil* (младшая сестра). Сравнение данных терминов по «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [15] показывает, что русские эквиваленты требуют дополнительных лексических уточнений (прилагательных «старший»/«младший»), в то время как в узбекском языке эта информация заложена в самой морфеме слова.

Особое место в сопоставлении занимает сфера «свойства» (родства по браку). В узбекском языке наблюдается избыточность терминов для обозначения родственников супругов, что связано с традиционной формой патриархальной семьи. Например, термин *qayni* служит основой для целого ряда дериватов (*qaynaga*, *qayninni*), обозначающих братьев мужа или жены с учетом их возраста. В русском языке аналогичные термины (*деверь, шурин, зять*) в современном дискурсе часто подвергаются архаизации или заменяются описательными конструкциями Ю. Д. Апресян справедливо

13 Рахматуллаев Ш. Современный узбекский литературный язык. Ташкент: Университет, 2006. С. 142

14 Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 248

15 М.: ИТИ Технологии, 2006. С. 59, 712

отмечает, что «различия в семантических сетках языков обусловлены различиями в национально-культурном опыте» **[3, с. 18]**. Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что лексико-семантическая система родства в узбекском языке является более разветвленной и иерархически структурированной по сравнению с русской моделью, что напрямую отражает приоритетность коллективистских ценностей и строгое соблюдение возрастной субординации в национальной картине мира **[4, с. 45]**." Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что лексико-семантическое поле терминов родства в узбекском языке является более разветвленным и иерархически структурированным по сравнению с русским языком, что отражает приоритетность коллективистских и уважительных (по возрастному признаку) отношений в узбекской лингвокультуре. Полученные результаты могут служить основой для решения проблем эквивалентности в двустороннем переводе и межкультурной коммуникации.

Интерпретация выявленных закономерностей позволяет утверждать, что лексическая сетка узбекского языка отражает исключительную значимость внутрисемейной иерархии. Высокий социальный статус родственных связей материализуется в языке через избыточную, на первый взгляд, детализацию. Русская терминологическая система, напротив, демонстрирует вектор развития, характерный для европейского ареала, где номинация стремится к минимализму и утрате жестких возрастных или гендерных границ. Академик Ю. Д. Апресян справедливо замечает, что такие расхождения формируют устойчивые «лексические лакуны» — смысловые пустоты, возникающие при попытке прямого переноса понятий из одной культуры в другую[16]. В ситуации, когда в одном языке признак (например, старшинство) является обязательным, а в другом — факультативным, возникает

16 Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — С. 455-460.

Стоит признать, что настоящая работа ограничена рамками литературной нормы. Живая народная речь, особенно южные говоры Узбекистана, сохраняет еще более архаичные и дробные пласты терминологии, которые остались за бортом текущего анализа[17]. Территориальные диалекты требуют отдельного -исследования для фиксации уникальных способов вербализации родства, нетипичных для центральных регионов.

Подводя итог, можно констатировать: термины родства служат достоверным индикатором национального менталитета. Узбекская модель сохраняет вертикальную структуру общества, тогда как русская перешла к плоскостному, партнерскому описанию семейных отношений Языковая картина мира — это не застывший гербарий, а динамичное отражение того, как народ расставляет приоритеты в своей повседневности[18].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаев М. И. Введение в этнолингвистику. М.: Оникс, 2005. С. 64.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд. — М.: ИТИ Технологии, 2006. — С. 59
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 1999. — 352 с.
4. Исаев М. И. Введение в этнолингвистику. — М.: Оникс, 2005. — 224 с.
5. Неъматов Х. Сўзнинг лексик-семантик майдони ва унинг тадқиқ этилиш тамойиллари // Ўзбек тили va адабиёти. — 1988. — № 5. — Б. 20–25.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. — М.: ИТИ Технологии, 2006. — 944 с.

17 Решетов В. В., Шаабдурахманов Ш. Ш. Ўзбек диалектологияси. — Тошкент: Ўқитувчи, 1978. — Б. 112-118.

18 Исаев М. И. Введение в этнолингвистику. — М.: Оникс, 2005. — С. 88-92.

7. Рахматуллаев Ш. Современный узбекский литературный язык. — Ташкент: Университет, 2006. — 412 с.

8. Решетов В. В., Шаабдурахманов Ш. Ш. Ўзбек диалектологияси. — Тошкент: Ўқитувчи, 1978. — 304 с.

9. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 464 с.

10. O‘zbek tilining izohli lug‘ati. 5 jildli. 1–5-jildlar / Tahrir hay’ati: E. Begmatov va boshq.; mas’ul muharrir A. Madvaliyev. — Toshkent: O‘zME, 2006–2008.